

— Линь Сюэцэ, Линь Сюэцэ!

— Хватит спать, нам убирать класс!

— Ну и человек... В школьных торжествах не участвует, отсиживается в классе и дрыхнет — ладно, но сейчас же дежурство, а он всё равно спит, как убитый. Хоть тряси — не добудишься.

— А чего вы хотели? Эгоист, вот и всё. Про его семейку вы что, не слышали?..

...

Гул голосов дежурных одноклассников накатывал волнами. Линь Сюэцэ с трудом приподнял тяжёлые веки, медленно выплывая из сна.

— Он проснулся, проснулся. Тихо, хватит.

— Ну проснулся и что? Раз уж способен так поступать, то чего бояться — пусть слушает.

Несколько человек скривились, но, наткнувшись на холодный, отстранённый взгляд Линь Сюэцэ, всё-таки замолчали. Один из них сухо сказал:

— Мы убираем класс. А ты здесь спишь и всем мешаешь.

Линь Сюэцэ молча кивнул. Он аккуратно убрал термос и книги, подхватил рюкзак и вышел из аудитории.

Стоило ему уйти, как внутри снова зашептались — быстро, жадно, перебивая друг друга. Темы, впрочем, были всё те же.

Линь Сюэцэ, этот «младший господин семьи Линь», — фальшивый господин.

Настоящий наследник богатой семьи — Линь Цинтянь. Тот самый, кто вырос в бедности, но сумел сохранить самостоятельность и упорство, хорошо учился, да ещё и был красив.

А Линь Сюэцэ украл у него больше десяти лет роскошной жизни — и даже не сумел её ценить. Пусть он и был детской звездой, но таланта так и не проявил, оставив после себя лишь ворох скандалов и тёмных пятен в биографии.

Родители из «высшего света» не жалели денег, нанимали лучших преподавателей по актёрскому мастерству, но он всё равно не смог поступить в три ведущих академии. В итоге оказался в Н-университете — да ещё и на актёрском отделении не профильного вуза — продолжая грезить о возвращении в шоу-бизнес и внезапной популярности.

И ведь даже не задумывается, что его репутация уже сгнила до основания. Один шаг — и он станет артистом с «порочной историей». Какой инвестор осмелится с ним работать?

Раньше, слыша такие разговоры за спиной, Линь Сюэцэ делал вид, что ему всё равно, но внутри ему было больно — долго, мучительно долго.

Но не в этот раз.

Потому что ему только что приснился сон.

Во сне Линь Сюэцэ был сиротой, выросшим в приюте. Поступив в университет, он жил на

стипендии, затем — исключительно за счёт собственных усилий. У него были способности, ему сопутствовала удача, а главное — он много и упорно работал. Начав трудовую жизнь, он быстро заработал первый капитал, грамотно вложил деньги и уже к тридцати годам сколотил состояние в несколько миллионов.

Для такого человека, как он — с минимальными потребностями и спокойным отношением к жизни, — этих денег хватило бы на целую вечность.

В конце концов он просто уволился, вернулся в родные края и открыл приют для животных — место, где находили бы убежище маленькие, несчастные существа, брошенные людьми.

И кто бы мог подумать, что вскоре после открытия приюта... его перенесёт...

Он попал внутрь книги — мужского веб-романа, который когда-то случайно пролистал.

Это был городской мистико-окультурный роман.

Главный герой — Линь Цинтянь — обладал особой судьбой: его натальная карта шла вразрез с волей небес, и потому он был обречён на раннюю смерть.

Родители семьи Линь были до крайности суеверны. Чтобы их сын выжил, они приняли жестокое решение: найти сироту с врождённой «благородной судьбой» и вырастить его вместо Линь Цинтяня в роскоши и достатке, позволив ему принять на себя все бедствия и кармические удары. А когда Линь Цинтянь достигнет совершеннолетия — поменять их местами.

С самого начала они знали: Линь Сюэцэ — всего лишь живой оберег, жертвенный заменитель. Доживёт ли он вообще до взрослого возраста — вопрос. Поэтому за все годы Линь Сюэцэ так и не получил от них ни капли тепла.

Пусть он и рос в богатом доме, его положение было ниже, чем у слуг. Он был словно дворový пёс, которого держат «на всякий случай»: кинуть объедки — и достаточно. Выживет сам — хорошо, не выживет — тоже не беда.

И всё же, несмотря на страдания и унижения, чем сильнее его обделяли любовью, тем отчаяннее он к ней тянулся.

Даже зная, что он — подделка, смертник, он не решался уйти. Он цеплялся за этот дом, умолял родителей позволить ему остаться.

Когда Линь Сюэцэ исполнилось восемнадцать, а он всё ещё был жив, родители решили выжать из него всё до последней капли. Он стал не только щитом для всей семьи, но и материалом для бесчисленных мерзких ритуалов — использовали его кровь и душу, не щадя ни тела, ни судьбы.

Вся эта карма в итоге обрушилась на него одного.

Не дожив до двадцати, Линь Сюэцэ был полностью уничтожен — репутация растоптана, разум сломлен. После автомобильной аварии он остался парализованным, был изгнан из дома и умер

на улице — в нищете и одиночестве.

А Линь Цинтянь, напротив, поднимался всё выше и выше. Его карьера достигла пика, а в любви он был поистине непобедим.

Собрав двойной урожай — любви и власти, — Линь Цинтянь взошёл на вершину мира, став властелином планеты. Даже родители Линь, сотворившие бесчисленные злодеяния, наслаждались роскошью и почётом до самой старости...

Сон был пугающе реалистичен.

И жизнь с приютом для животных, и судьба книжного Линь Сюэцэ — всё это ощущалось так, словно он прожил каждую сцену собственным телом.

Даже сейчас Линь Сюэцэ чувствовал, как ноют ноги. Стоило вспомнить, чем закончилась его история в книге — паралич, изгнание, мучительная смерть, — как по спине стекал холодный пот. В какой-то миг он почти перестал понимать, где реальность, а где сон.

В тот момент, когда сомнения ещё терзали его, сбоку внезапно раздался гул человеческих голосов.

Линь Сюэцэ очнулся и, обернувшись, заметил, что сам не понял, как оказался возле административного корпуса.

Сегодня в Н-университете отмечали годовщину основания. Руководство организовало множество мероприятий и специально пригласило известных выпускников.

Во время торжеств все преподаватели и студенты должны были выйти встречать гостей, но тогда у Линь Сюэцэ так раскалывалась голова, что он не смог подняться. Он лишь ненадолго прилёг на парту — и проспал весь день, очнувшись лишь совсем недавно.

Теперь празднование уже закончилось. Судя по всему, элитные выпускники завершили экскурсию по кампусу и плотной группой окружали богато одетого мужчину средних лет, явно человека с огромным состоянием, направляясь к выходу.

Увидев происходящее, Линь Сюэцэ уже собирался отойти в сторону, но в следующий миг тот самый мужчина средних лет, которого плотным кольцом окружали люди, будто внезапно испытал сильный удар — его лицо побледнело, он пошатнулся, сделал пару неуверенных шагов... и рухнул на землю.

— Господин У?!

— Что с господином У?

— Господин У, господин У! Срочно вызывайте скорую!

Толпа загомонила, началась паника, люди беспорядочно толкались, сбиваясь в плотный клубок.

Линь Сюэцэ хотел было обойти их, но его затолкали — шаг за шагом — прямо в центр этой суеты.

Увидев, как господин У с мертвенно-бледным лицом и сведёнными от боли бровями бессильно оседает, Линь Сюэцэ инстинктивно протянул руку и поддержал незнакомца, помогая ему удержаться.

К счастью, при Н-университете находилась аффилированная больница — не прошло и десяти минут, как прибыла скорая помощь.

После того как господина У увезли медики, Линь Сюэцэ развернулся и ушёл.

Для него это было пустяковое происшествие, не стоящее внимания.

Поэтому он даже не заметил, что за те несколько мгновений, пока он поддерживал господина У, выражение боли на его лице заметно смягчилось.

Когда мужчину уже погрузили в машину скорой помощи, сознание У Гуя слегка прояснилось. Он приоткрыл глаза, рассеянно огляделся и едва слышно пробормотал:

— Баобэй... баобэй...

— Господин У, мы везём вас в больницу. Постарайтесь расслабиться, всё будет в порядке, — мягко успокаивал его медик.

Цвет лица У Гуя стал чуть лучше. Он попытался приподняться, будто кого-то ища глазами.

Но скорая уносилась всё дальше, а Линь Сюэцэ уходил в противоположную сторону — и ощущение его присутствия постепенно исчезало.

— Я хочу позвонить, — сказал У Гуй.

Хотя его лицо всё ещё было бледным, маленькие, словно фасолины, глаза светились необычайной ясностью и живостью.

Убедившись, что пациент пришёл в себя, медсестра позволила ему набрать номер, не поднимаясь.

Этот звонок У Гуй сделал своему секретарю.

Тихо отдав несколько распоряжений, он снова откинулся на носилки — а в груди у него хлопотала радость.

Он ждал Линь Сюэцэ несколько сотен лет. И наконец дождался.

На этот раз... он обязательно найдёт его.

Когда Линь Сюэцэ вернулся домой, уже начинало смеркаться.

Отец — Линь Гохуа, мать — Чжэн Мэйлин, и их родной сын, гордость Н-университета, студент элитной специальности Линь Цинтянь, — вся эта «идеальная семья» уже сидела за столом и заканчивала ужин.

К тому моменту, как вошёл Линь Сюэцэ, на столе остались лишь объедки — перебранные, остывшие остатки блюд.

Впрочем, никого это не волновало. Линь Сюэцэ с детства питался тем, что оставалось.

Для Линь Гохуа и Чжэн Мэйлин было невыносимо держать родного сына без имени и статуса в стороне, в то время как в роскошном особняке они растили чужого, не связанного с ними кровью сироту. Это ощущение долга перед собственным ребёнком никогда их не покидало.

Даже понимая, что Линь Сюэцэ служит живым щитом для Линь Цинтяня, они сознательно холодно относились к нему, игнорировали его существование — и при этом ни на йоту не сокращали заботу и любовь, адресованные родному сыну.

Но и этого им казалось недостаточно.

Разумеется, они не собирались винить в этом себя.

А значит, тот, кто наслаждался богатством и роскошью, — Линь Сюэцэ, — должен был расплатиться за всё.

С самого детства, кроме разрешения жить под крышей их дома, они не дали ему ничего.

Они не были его родителями — и не видели причин вкладываться в его будущее. Кинуть ему еду — уже щедрость. Карманные деньги, новая одежда, игрушки — всё это было для него недоступно.

Когда Линь Сюэцэ был ребёнком, его однажды заметил агент из шоу-бизнеса — за привлекательную внешность его взяли в детские актёры.

Но весь заработок без остатка забрали себе Линь Гохуа и Чжэн Мэйлин.

В их глазах эти деньги и так по праву принадлежали им — это была плата, «аренда», которую Линь Сюэцэ вносил за право жить в особняке.

Увидев, что он вернулся, Линь Гохуа отложил палочки и сказал ровным тоном:

— Вернулся? Иди поешь.

Если бы это был обычный день, Линь Сюэцэ, вернувшийся из школы с пустым желудком, молча сел бы и начал есть. С тех пор как он себя помнил, всё всегда происходило именно так.

Но сегодня у него не было ни малейшего аппетита.

— Я не голоден, — ответил он.

Линь Гохуа лишь хмыкнул, не придав значения.

— Не хочешь — и ладно. Тогда подойди, поговорим.

Линь Сюэцэ на секунду задумался и, чувствуя на себе взгляды всех троих, всё же подошёл и сел за стол.

— Помнишь дядю Сюэ, который держит сеть супермаркетов? — начал Линь Гохуа. — Его сын в прошлом месяце погиб в автокатастрофе. Когда проводили обряд, даосский мастер сказал: тот не был женат, уходил в одиночестве, с неисполненными желаниями, потому и не может упокоиться. Не хочет уходить. Дядя Сюэ решил подыскать ему пару.

Он сделал паузу и продолжил, словно речь шла о пустяке:

— Мы перебрали много вариантов и выяснили, что ваши даты рождения идеально совпадают. Поэтому дядя Сюэ хочет, чтобы ты стал ему «роднёй» — заключил с его сыном посмертный союз. Мы же современные люди, — добавил он с показной лёгкостью. — Не нужно устраивать ничего сложного. Достаточно взять одну твою часто ношеную вещь... и несколько чаш крови.

Говоря это, Линь Гохуа жестом указал на домработницу.

Та тут же принесла небольшой чемоданчик, поставила его на стол и открыла. Внутри лежали инструменты для забора крови.

Разложив всё аккуратно, она отошла в сторону.

Заметив, что Линь Сюэцэ неподвижно уставился на набор, Линь Гохуа удивлённо окликнул:

— Сюэцэ? Сюэцэ? Ты чего застыл? Будем делать забор крови.

Линь Сюэцэ медленно пришёл в себя и поднял взгляд на сидящих перед ним людей.

Во сне — в том романе — именно с этого момента и начинался его настоящий кошмар.

Пока он жил в семье Линь, пусть и с постоянными унижениями и чередой несчастий, он всё же рос относительно благополучно.

Но после той самой сдачи крови — кто знает, что именно они сделали с ней, в каких ритуалах использовали, — его здоровье начало стремительно ухудшаться. Затем пошёл и психический срыв: галлюцинации, голоса, утрата связи с реальностью. Он больше не мог жить как нормальный человек...

Глядя на инструменты для забора крови и на троих членов семьи Линь, которые следили за ним с откровенным ожиданием, Линь Сюэцэ почувствовал, как по спине пробежал холод.

На самом деле, после того сна мысль уйти из этого дома уже пустила корни.

Неважно, был тот сон правдой или нет — он очнулся, он понял.

Он не был родным сыном ни Линь Гохуа, ни Чжэн Мэйлин. Жить под одной крышей с Линь Цинтянем означало лишь постоянное унижение и фальшь. Уйти — было бы разумнее.

Сегодня он вернулся, чтобы попрощаться.

И чтобы проверить — сбудется ли тот сон.

Он и представить не мог, что Линь Гохуа нанесёт удар первым, не дав ему даже открыть рот.

Значит, сон был правдой.

И злоба, и жестокость семьи Линь — всё это было настоящим.

<http://bllate.org/book/14966/1327038>